

Олег Прокофьев, между изображением и словом | Oleg Prokofiev, entre l'image et le mot

Author: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 18.03.2020.

Сергей Прокофьев с сыновьями Святославом и Олегом и женой Линой, 1936 г. (DR)

Мы продолжаем серию публикаций, отражающих наиболее интересные встречи, проходящие в Русском кружке Женевского университета.

|

Nasha Gazeta continue la série des publications consacrée aux conférences présentées au

Cercle russe de l'Université de Genève, notre partenaire privilégié de longue date.

Oleg Prokofiev, entre l'image et le mot

Признаемся, мы ничего не знали об Олеге Прокофьеве (1928-1998), за исключением того, что это был сын великого композитора. А потому с интересом отправились на лекцию Ильи Кукуя, посвященную его художественному и литературному творчеству.

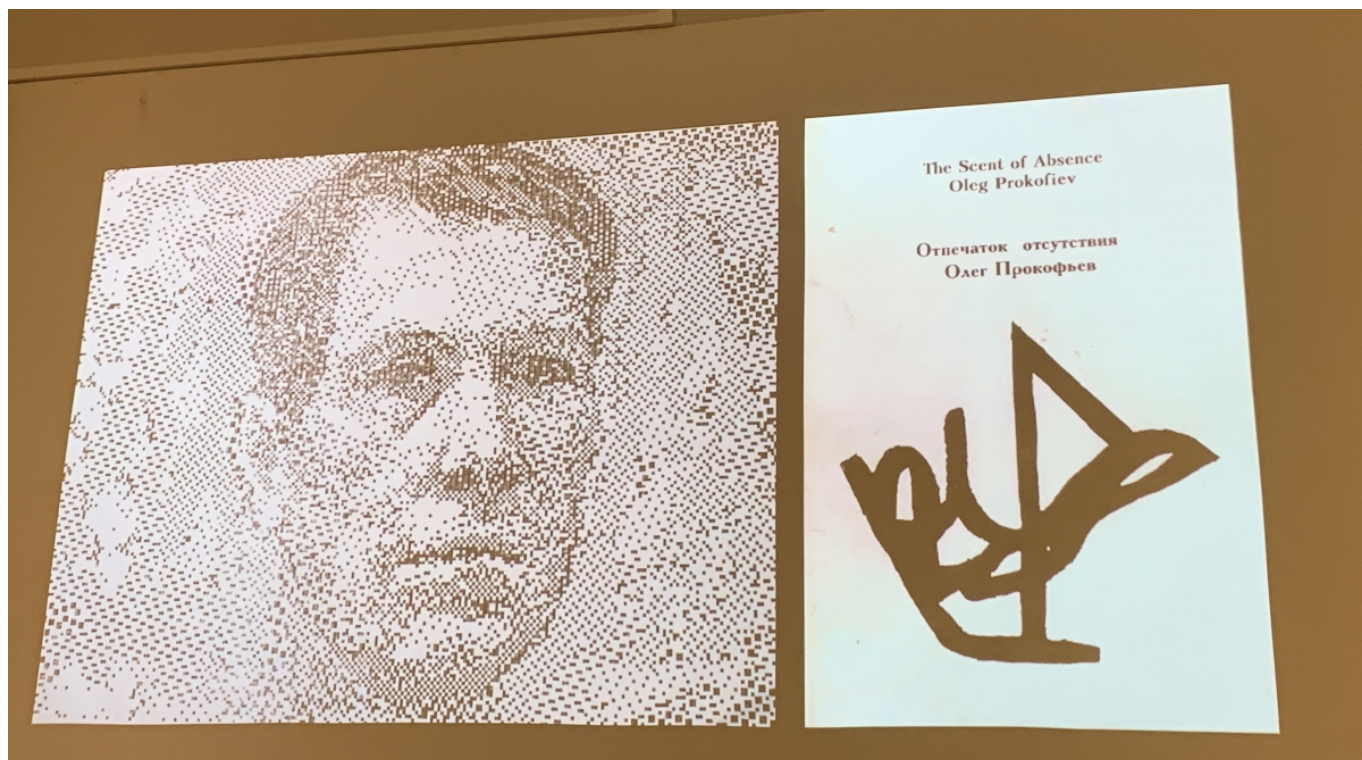
Илья Кукуй – доктор наук, сотрудник мюнхенского Института славянской филологии и куратор архива Центра русской культуры колледжа Амхерст (США); специалист в области исторического авангарда и неофициальной советской культуры; составитель ряда научных изданий русской поэзии (В. Гнедов, П. Зальцман, Л. Аронзон, А. Волохонский и др.). В настоящее время он готовит к публикации в издательстве Academic Studies Press (Бостон) Собрание сочинений Олега Прокофьева. За полтора часа он рассказал массу интересного о неординарной и во многом трагической жизни и уникальном творчестве этого автора, известного широкой публике в лучшем случае как художник и издатель дневников своего отца, композитора Сергея Прокофьева. А ведь все гораздо сложнее и увлекательнее.

Выдержки из рассказанного Ильем Кукуем в аудитории Женевского университета мы приводим, как слышали.

Профессор Илья Кукуй (с) Nashagazeta

О том, что Олег Прокофьев писал стихи, Илья Кукуй знал. Он публиковался в эмигрантской и постсоветской периодике, его стихи вошли в монументальную антологию «У голубой лагуны», которую с конца 1970-х и до конца 1980-х годов выпускал в США Константин Кузьминский (русский поэт и эссеист, диссидент – Н.С.). В его архиве Кукуй и нашел переписку с Прокофьевым со вложенными в концерт самодельными книжечками, которые привлекли его внимание. При жизни вышла, в Лондоне, лишь одна – «Отпечаток отсутствия».

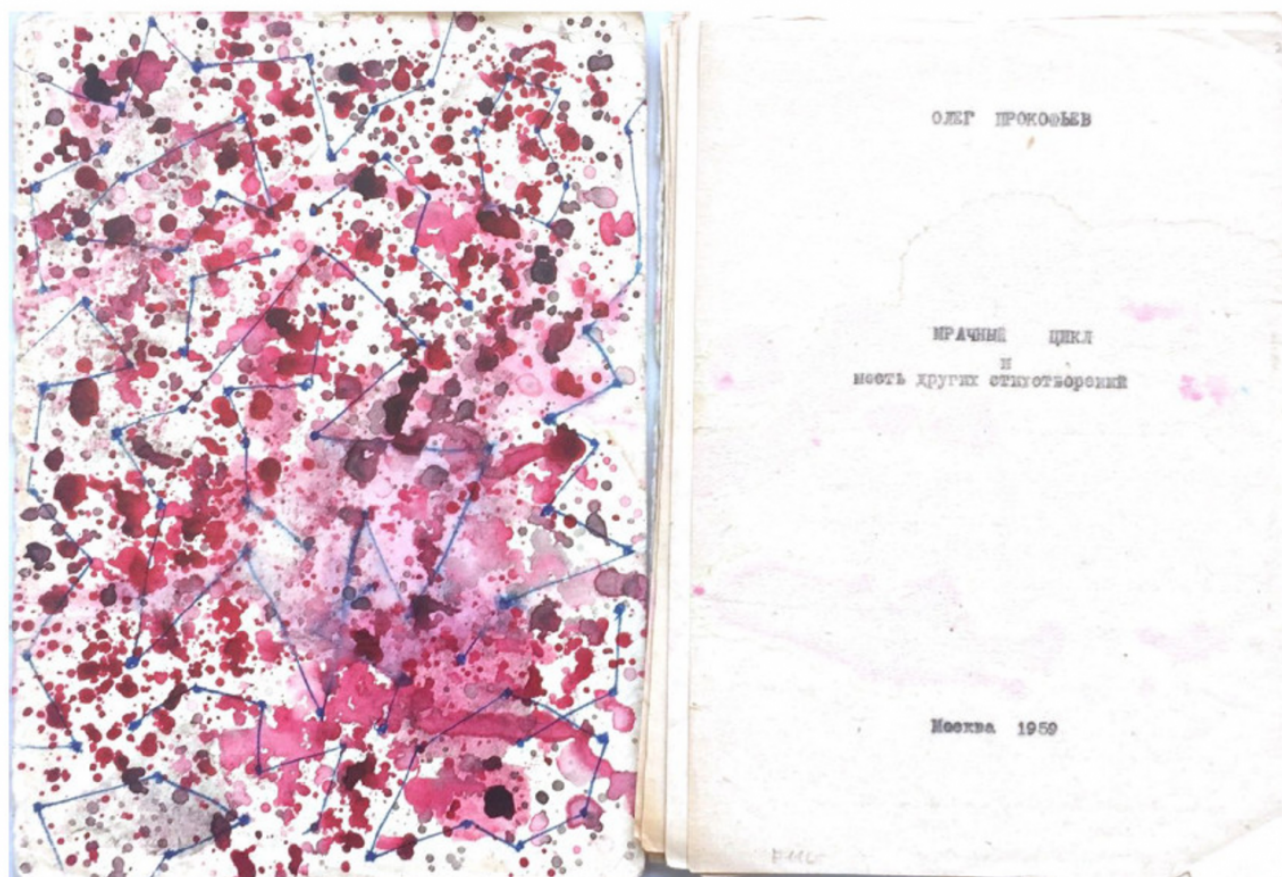

Олег Прокофьев состоялся в эмиграции как художник – у него было много персональных выставок, выходили каталоги, а в начале 2000-х годов прошла его выставка в Третьяковской галерее. Он не был бедным человеком, длительное время существовал на авторские гонорары отца и занимался изданием его дневников. Первое издание их вышло в английском переводе Олега, а в оригинале дневник композитора 1927 года вышел в журнале «Синтаксис». Несмотря на имевшиеся возможности, свои сочинения он не издавал – литература оставалась делом интимным, хотя стихи составляли очень важную часть его художественного мира.

Олег Прокофьев родился 14 декабря 1928 года в Париже, где провел первые шесть лет своей жизни. Он писал об этом так: «Родился я в Париже, чем большую часть жизни тайно гордился, культивируя в себе секретную ностальгию. Пока не приехал туда опять, уже взрослым, и понял, что одна только эта случайность и объединяет меня с исконными парижанами».

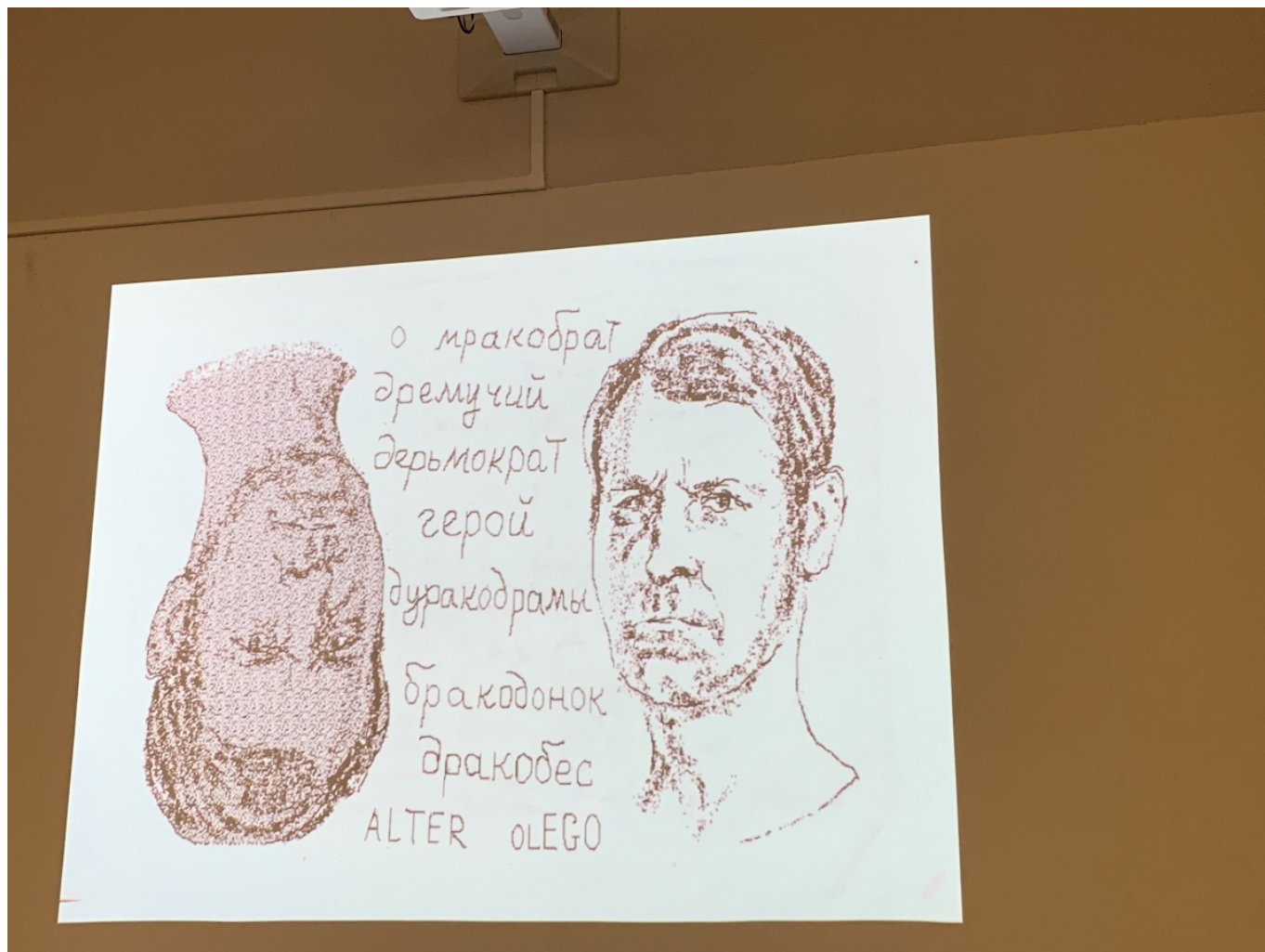
Русский язык он в детстве не слышал, русских сказок ему не читали, песен не пели – мать Олега, Лина, была испанской оперной певицей, сопрано. «Русскому языку я был обучен лет в пять-шесть польско-французской бабушкой по материнской линии», – вспоминал он. Впервые приехав с родителями в Москву в 1935 году, он с изумлением пытался читать все вывески, отмечая разницу между алфавитами. Тот факт, что русский не был для него родным, видимо, повлиял на то, как он пользовался им в своих стихах – это видно в документальном фильме «Возвращение нонконформиста», подготовленного к его выставке в Третьяковке. Может быть, поэтому он тяготел к верлибру, для русской поэзии несвойственному. При этом сам он объяснял это тем,

что с детства его окружала музыка, и когда при нем сравнивали поэзию и музыку, ему казалось неестественным, что свободный музыкальный поток, который он ежедневно слышал дома, замыкается в поэзии в достаточно консервативные и жесткие рамки.

Одна из самодельных книжек Олега Прокофьева

Прокофьев выбрал живопись основной своей деятельностью достаточно поздно и по инерции – пойдя в художественную школу вслед за старшим братом. Быстро становится ясно, что живопись – его призвание. Он поступил на художественно-графический факультет Московского педагогического института и брал частные уроки у Роберта Фалька. Отношения с Фальком, как и с Борисом Пастернаком, наложившись на ситуацию безотцовщины, стали совершенно особыми – в 1940 году Сергей Сергеевич Прокофьев ушел из семьи, познакомившись на отдыхе в Кисловодске со студенткой Литинститута Мирой Мендельсон. Ситуация была особенно трагичной еще и потому, что в 1948 году Лину Прокофьеву обвинили в шпионаже, осудили на 20 лет лагерей и сослали в Абези, где она провела 8 лет, вплоть до реабилитации в 1956 году.

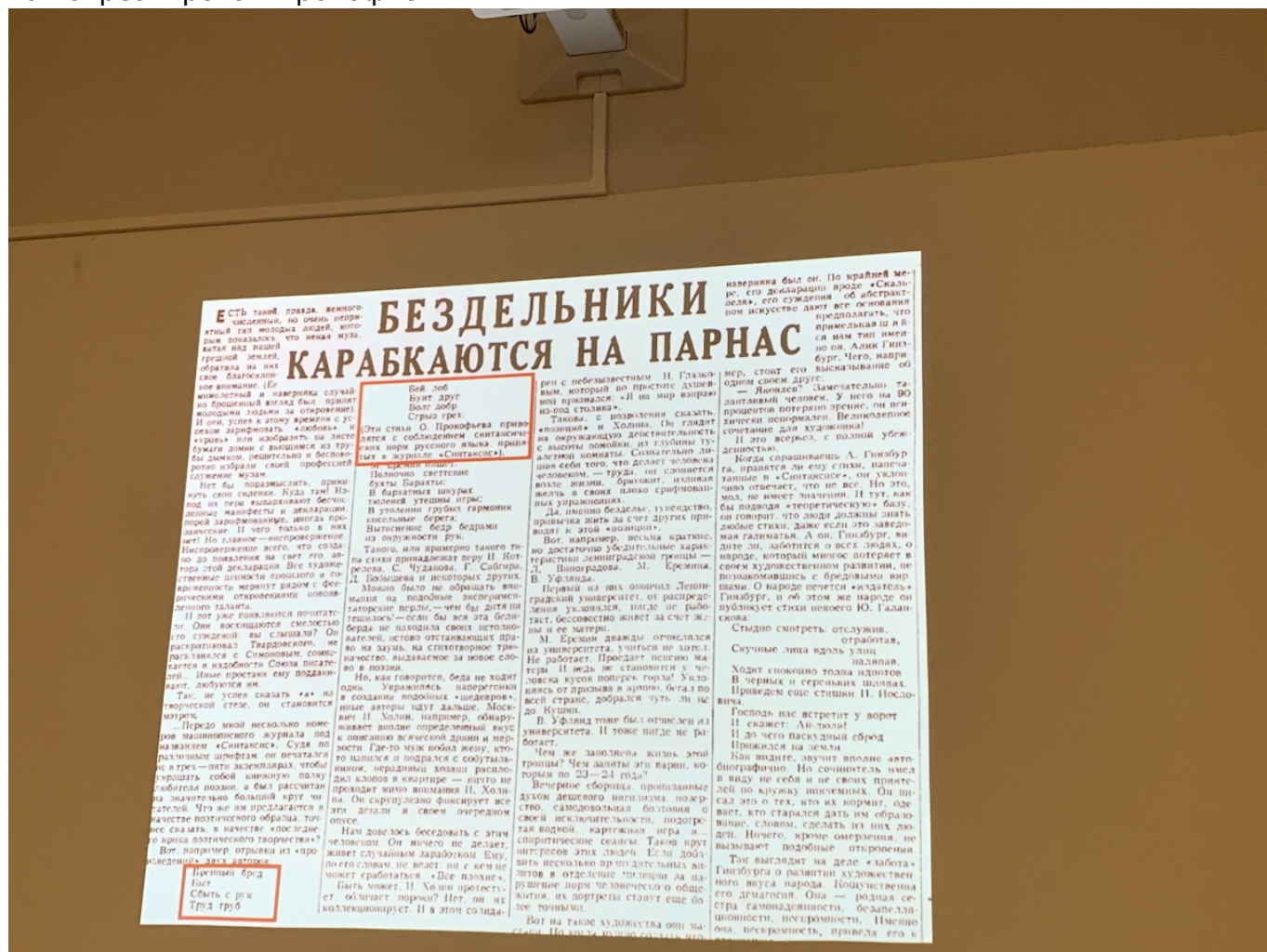
Пастернак оказал решающее влияние на Олега Прокофьева-поэта с того момента, как 27 мая 1946 года он попал на его творческий вечер в Политехническом музее. Олег решил во что бы то ни стало разобраться в его поэзии, и целое лето разбирал стихи по строчкам. Это навсегда изменило его вкус к поэтическому слову. «В этот вечер в его поэзии мне открылась та удивительная предметность, при которой казалось, что сами чувства овеществлялись в стихах», – вспоминал он.

Начиная с 1950-х годов Прокофьев тяготел к экспериментальному творчеству и авангарду, во многом благодаря, а в чем-то и вопреки занятиям с Фальком. Отношения Прокофьева с Фальком иллюстрирует стихотворение, написанное в начале 1980-х годов, в котором есть строка – «так иногда любят отца, искренне и беззаветно».

ФАЛЬК вошел о отсутствующим видом большой как тихий закат
 головой качая как Будда
 только без колокольчиков
 таинственный как Дхьяварман Седьмой или Четвертый
 кто это может проверить?
 Иногда шевелил губами
 мудрые и горькие свои побасенки
 Записанные на память они как прожеванная еда
 теряли соль жизни что кристаллизует невысказанное в явное
 Отчасти это есть и в его похухней масляной живописи
 из которой удручающая обстановка сталинской стагнации
 высосала прелесть момента
 по крайней мере для меня
 восхищавшимся им как Рембрандтом
 которого я тогда еще не видел
 В ту пору кто-то внутри меня приказал
 Люби его
 я так и сделал
 Так иногда любят отца издали и беззаветно
 любить же отца было забытой привычкой
 прерываемой его нетерпеливыми всплесками
 Странно ведь мой отец мне был ближе
 не по характеру а по духу искусства где была кровь?
 но музыка была для меня чем-то давно привычным
 как расположение комнат в квартире заполняемых ею
 А у Фалька в московской исторической глуши
 интеллектуальная радость
 отзывалась режущей новизной чувств
 В этих мазках была откровенность
 вспоротого живота души
 внутренность вещей приветствовала меня
 как новичка лирической конспирации
 членство было сейчас и пожизненно
 И все это началось в тот день
 когда ФАЛЬК Роберт Рафаилович
 вошел в комнату покачивая желтой головой
 и не глядя на меня
 подумал
 "опять учить этих олухов"

Стихотворение, посвященное Роберту Фальку

Оттепель конца 1950-х годов и проходившие в Москве выставки Пикассо и Поллока открыли Олегу Прокофьеву мир «другой» живописи, а в музыке он сближается с композитором Андреем Волконским, также вернувшимся из эмиграции и совмещавшим в своем творчестве барочную музыку и традицию нововенской школы (Шенберг, Берг, Веберн). Тогда же Прокофьев начинает свое поэтическое ученичество, выпавшее на расцвет «лианозовской школы». Стихи Прокофьева входят в московский выпуск самиздатовского альманаха «Синтаксис» Александра Гинзбурга, и именно стихотворение из этого сборника цитируется в знаменитом фельетоне «Бездельники карабкаются на Парнас» в газете «Известия». «На Парнас я может и карабкался, но никак не в советскую литературу. С этим иллюзий у меня не было», так отреагировал Прокофьев.

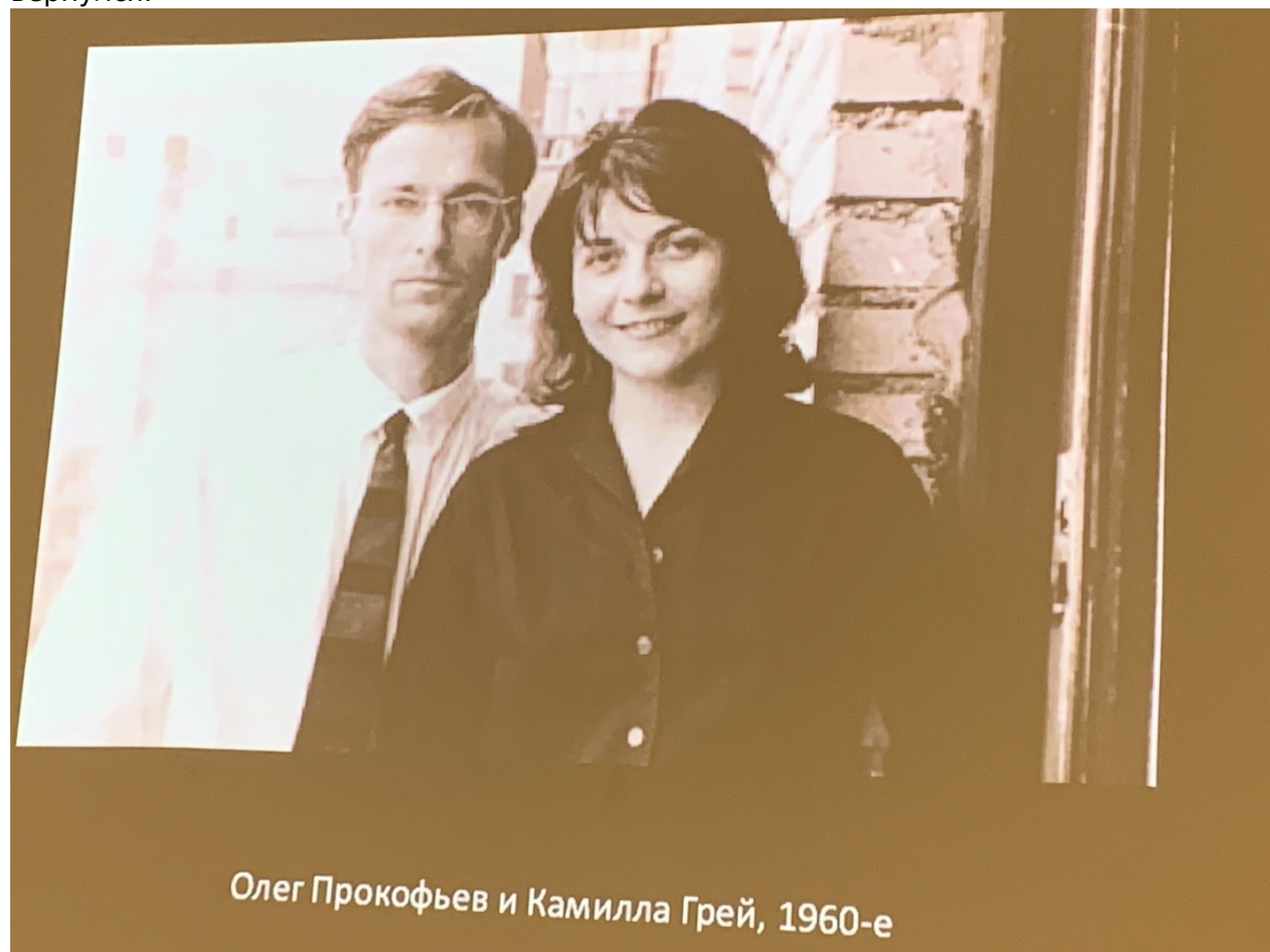
В лучших традициях...

Иосиф Бродский написал неличеприятную и очень ранившую Прокофьева рецензию на его стихи, после чего Олег Сергеевич на много лет перестал писать.

Самым важным событием в жизни Прокофьева стало знакомство с английским искусствоведом Камиллой Грей, официально приехавшей в Москву как переводчик для танцоров Королевской оперы, а на деле собиравшей материалы для своей монографии о русском авангарде «Великий эксперимент: Русское искусство 1863—1922», которая выйдет в Лондоне в 1962 году. Они два года прожили, с урывками, вместе, но в 1963 году Камилле отказали в визе в СССР, и до 1969 года эти «Ромео и Джульетта эпохи» жили по разные стороны железного занавеса. В результате этих душевных мук Прокофьев сменил художественную эстетику.

В 1971 году Олег с беременной Камиллой поехали в отпуск в Сухуми, где она

подхватила вирусный гепатит и скончалась. Ей было 35 лет. Спасти ребенка также не удалось. Прокофьеву разрешили вывезти в Лондон тело жены, и в СССР он уже не вернулся.

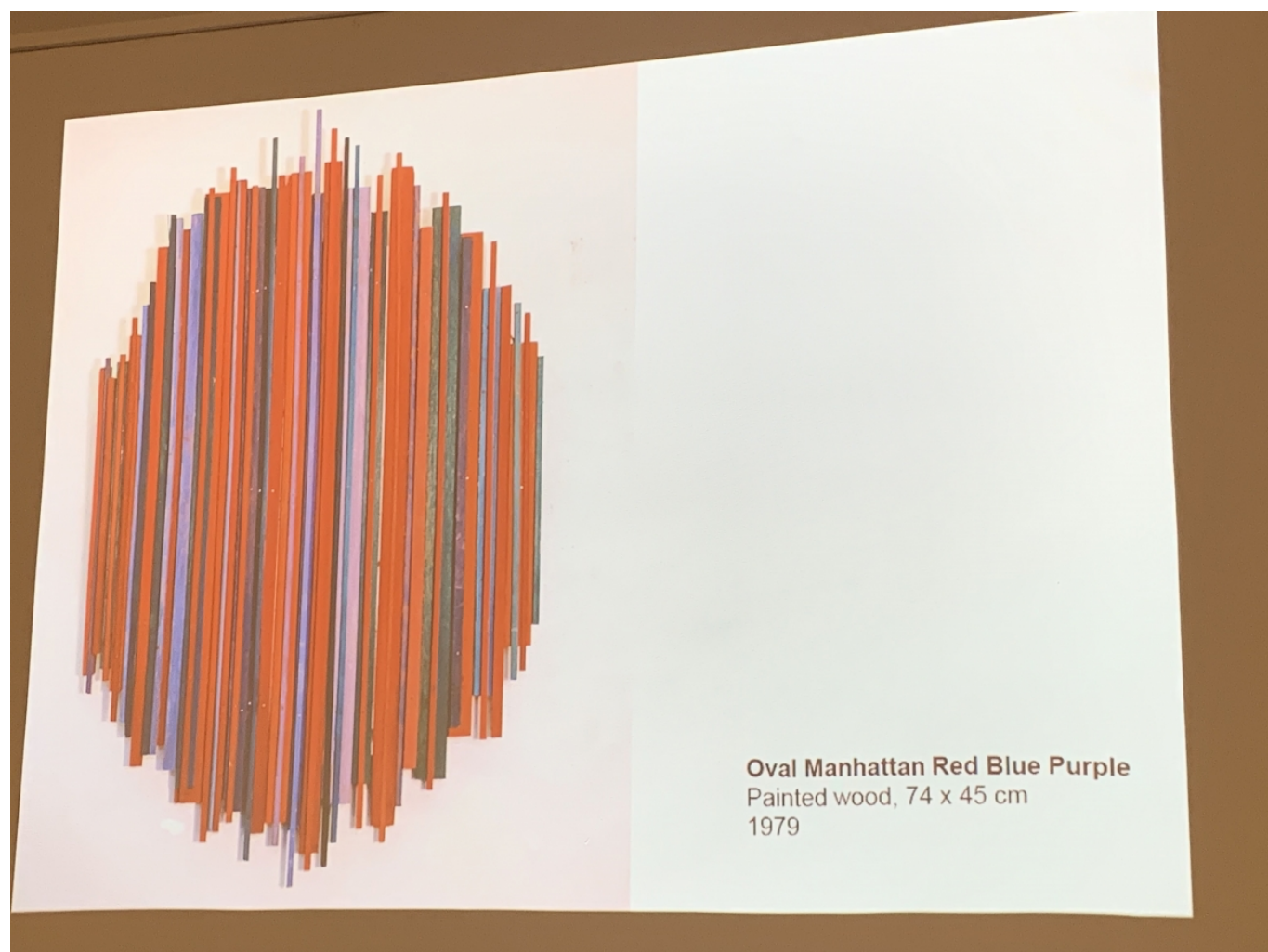
Олег Прокофьев и Камилла Грей, 1960-е годы

Стихотворения Прокофьева его первой советской фазы, 1958-1971 годов, дошли до нас отпечатанные на машинке, в единственном экземпляре, сохранившемся в его личном архиве. Вот один пример.

*Сотрешься в век цензуры и ракет,
Оденешь, словно шкуру, этот бред,
Возьмешь с собой обманы теплых губ,
Чудовищных, как раны тех, кто люб.
Казенный призрак брешет, хода нет,
Потом уйдет, как леший, в лес газет,
Один гуляй на воле полный срок,
С такой овцы довольно шерсти клок.*

В Англию, куда его занесла судьба, Олег Прокофьев был вынужден практически все начать с начала. Он получил стипендию факультета графики университета город Лидс, где проработал несколько лет. Стихов он пишет в этот период мало, и все они горькие, отражающие переживания от расставания с родиной и от смерти Камиллы. Свое поэтическое молчание он пытается преобразовать в тот выразительный язык, который сформировался еще в Москве, и привести его в соприкосновение с пока еще чуждым ему миром. Краткосрочный визит в Нью-Йорк дает ему важнейшие импульсы

для преобразования своего языка как художника. Под впечатлением от города он создает целую серию работ, переходя к полной беспредметности, которая в конце концов приводит его в трехмерное пространство. С конца 1970-х – начала 1980-х годов Прокофьев работает с деревом, которое красит, создавая странные конструкции и возвращаясь таким образом в мир русского авангарда.

К живописи Прокофьев возвращается через работу в объеме. В беспредметных композициях начинают появляться люди, сохраняется тяготение к архитектурным деталям. В 1990-е годы он переходит к портретам, возвращается к предметной живописи.

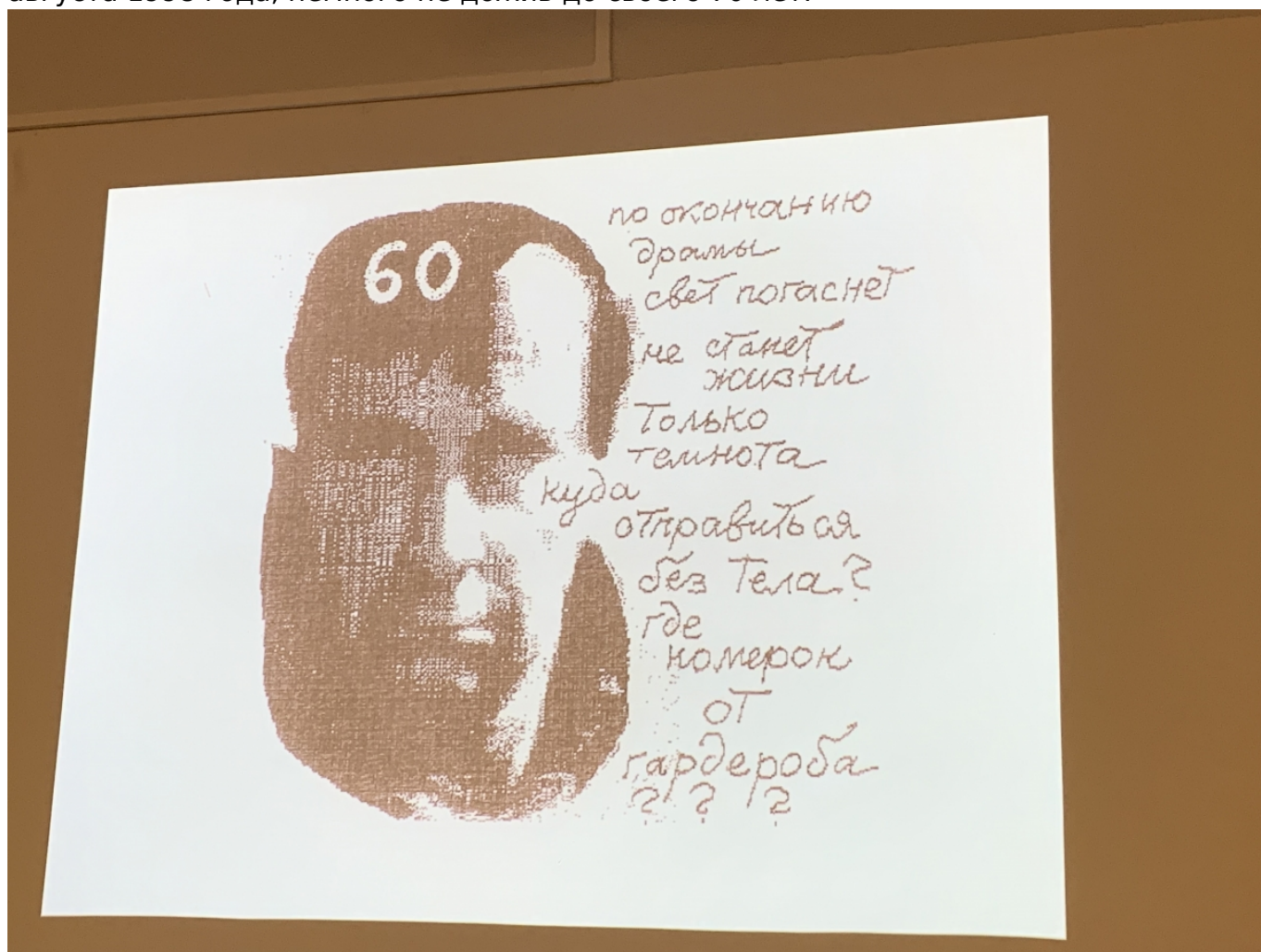
Портрет Сергея Прокофьева, 1990 г.

В 1980-х Прокофьев вновь находит себя и в литературе. Поводом для этого послужило знакомство с Константином Кузьминским, из переписки с которым видно, как еще одна смерть – смерть сына от лейкемии в 1982 году – по-своему привела к рождению формы, в которой Прокофьев работал всю оставшуюся жизнь: поэтические циклы на четвертинках или восьмушках листа. Первый цикл назывался «Книга зерен», работа над ним началась за два дня до смерти сына. Поэт трагический, в цикле «Любовь – удел одиноких» он воспекает любовь, что делает цикл знаковым. Но...

Лежать рискованно,
Ходить опаснее,
Пропasti подстерегают везде.
Неприличный кончик вечности,
Третья нога безногого,
Слепота глухих.

От многих других верлибристов Прокофьева отличает лаконичность и выточенность формы, очень сильная визуальность, выдающая художника, и особое звучание стиха, которое для него важнее практического значения слова. Всем своим творчеством он искал ответ на вечный вопрос «Для чего все это?» И отвечал сам себе: «Наверное, для того чтобы задавать себе такие бесполезные вопросы».

Олег Сергеевич Прокофьев скоропостижно скончался от разрыва аорты, на пляже, 20 августа 1998 года, немного не дожив до своего 70 лет.

Это стихотворение Олег Прокофьев написал к своему 60-летию

[Сергей Прокофьев](#)

[Олег Прокофьев](#)

[Лина Прокофьева](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/oleg-prokofev-mezhdu-izobrazheni-em-i-slovom>